

Зинченко В.П. Тело как слово, образ и действие // *Психологический журнал* Международного университета природы, общества и человека «Дубна». 2009. № 3. <http://www.psyanima.ru/>.

Тело как слово, образ и действие

В.П. Зинченко

Статья написана на основе доклада, прочитанного автором на юбилейной конференции Ассоциации телесно-ориентированной терапии «Языки тела» (Подмосковье, 2-4 октября 2009 г.). Рассматриваются методологические проблемы взаимоотношений между академической и практической психологией, трудности целостного познания человека.

Ключевые слова: *тело, душа, дух, слово, образ, действие, внешние и внутренние формы.*

Как известно, прогресс в нашей стране определяется тем, что каждый занят не своим делом. Может быть, и мои соображения о том, что тело является функциональным органом души, а душа – функциональным органом тела покажутся специалистам в сфере телесно-ориентированной терапии интересными. Мой интерес к психотерапии любого толка, к консультированию страдающего человека, как и мои давние интересы к инженерной психологии и эргономике, связаны с надеждами, что практические (или прикладные) области психологии способствуют очеловечиванию или, точнее, вочеловечиванию академической психологии. Недавно, обсуждая с Ф.Е. Василюком вопрос о взаимоотношениях науки и практики, мы фиксировали реальную опасность: если академическая психология не сделает решительных шагов в сторону практики, последняя вообще уйдёт от психологии. Симптомы этого уже просматриваются.

Начну с любимого мною Осипа Мандельштама:

*Дано мне тело, что мне делать с ним.
С таким единым и таким моим.*

В автоэпиграмме поэт изменяет вторую строку:

С таким голодным и таким моим.

Я и дальше буду прибегать к поэтическим метафорам, которые, на мой взгляд, значительно интереснее, а главное, природосообразнее и продуктивнее, чем, например, компьютерные метафоры, обращающиеся к психологии мозговедов. Поэтические формулы не менее строги, чем формулы математические, и таят в себе семена научных теорий, в том числе (или, прежде всего) психологических. Их создание требует не меньшего таланта: работа со словом столь же трудна, как и с числом. Науке пора бы научиться смотреть на человеческое тело поэтическим, духовным взором. Примером может быть А.А. Ухтомский, который на нервно-мышечный препарат лягушки смотрел таким взором, тогда как психология склонна даже на человеческую душу смотреть глазом телесным, чтобы не сказать – плотским или плотоядным. М. Мерфи в качестве одного из эпитафий к своей книге «Будущее тела» [6, с. 20] приводит слова английского поэта У. Блейка: «У человека нет тела, отдельного от души: то, что мы называем телом, это просто часть души, которая воспринимает пятью чувствами – главными (входными отверстиями) средствами связи души с миром». По сути, сказанное поэтом верно, но я воздержусь пока от столь радикального утверждения. Мне будет достаточно, если я смогу убедить читателя, что тело, рассматриваемое как слово, образ и действие, выражает душу.

Тело, конечно, есть живое, белковое вещество, как характеризовал его В.И. Вернадский. Живость (и жизнь) телу придаёт живое движение. Напомню сеченовское: «Мышца есть животное». Нужно совершать усилие, чтобы быть живым. Благодаря исследованиям Н.А. Бернштейна, живое движение перестало быть метафорой. Хотя человеческий глаз отличает живое движение от механического за четверть секунды, наука до сих пор не слишком твердо знает, чем они отличаются одно от другого. Современник Вернадского А.А. Ухтомский был более категоричен и возвышен в характеристике жизни: «Жизнь есть требование от бытия смысла и красоты». А живое движение и есть ищущий себя (и себе) смысл, в свою очередь, ищущий для своего выражения слово. Правда, не так уж часто они находят друг друга. Замечу, что древние в движениях живого тела, в его вибрациях и грациях видели живую душу. Они идентифицировали грацию с великодушием. Это сюжеты Плотина на которые обращали внимание А. Бергсон, П. Адо. Д. Боаделла ещё более решителен. Он утверждает, что существует душа мышц, которая анатомически связана с веретенообразной мышечной структурой, определяющей состояние её внутреннего тонуса. Эта структура состоит из волокон вегетативной нервной системы, которая регулирует поток эмоциональных энергий в теле. Автор заключает, что даже анатомически мышечные веретена отражают настроение человека [2]. Не уверен, есть ли у мышцы душа. Есть и более земное объяснение позотонических реакций. Их связывают с мелкими мышечными гамма-волоконками располагающимися между крупными альфа-волоконками. Гамма-волокна действительно связаны с вегетативной нервной системой (А.В. Корнеев, цит. по: [4, с. 65]). Душой живого движения и действия, прежде всего – эстетического, являются чувствительность, которой оно обладает, и образ, который оно порождает. Тем не менее, метафора «душа мышц» имеет такое же право на существование, как и метафора «мускулы мышления» (М.К. Мамардашвили). Но и это ещё не всё. С живым движением связан дух. Согласно Гегелю, дух не есть нечто абстрактно простое. Он вполне конкретен и реален и представляет собой систему движений, различающую себя в моментах. Чтобы понять характеристику духа, необходимо преодолеть, как удачно выразился Ф.Е. Василюк, «абстракцию простого движения», которое не есть просто перемещение живого тела в пространстве, а его преодоление и овладение им. Как всякое преодоление, оно связано с претерпеванием. Выпущенная стрела, брошенный камень, летящая пуля ничего не претерпевают и в моментах себя не различают и не ощущают: пуля – дура. Живое движение не только реактивно, оно управляемо и активно, благодаря тому, что оно обладает ещё и чувствительностью к самому себе, к возможностям своего осуществления. Оно чувствительно и к ситуации, поэтому не идёт напролом, уподобляется свойствам воздействия и может породить, произвести как образ такого воздействия, так и образ требуемого действия. Недвижимое тело – это не живое тело, а мёртвая материя. Если верить апокрифам, то первые признаки воскресения Лазаря выражались в живом движении. То же говорилось о воскресении Иисуса Христа. Живое движение может и замерзнуть – мертветь, как у дяди булгаковского Берлиоза Поплавского, взявшего у Аззелло свой паспорт *мертвой рукой*. Мёртвыми бывают и образы, и слова, угасшие чувства, и не пережитые лично мысли. Насколько я понимаю, телесно-ориентированная терапия озабочена оживлением скованного, замёрзшего тела и его движений. Живое движение порождает образ, душу, дух, а тело развоплощается, например, в *душой исполненный полёт русской Терпсихоры*. Духовное становится доступным взорам и очертания живут (это мотив О. Мандельштама). Даже рояль исчезает, остаётся одна музыка (отзыв Г. Гейне об игре знаменитого пианиста).

Итак, тело, посредством живого движения порождая душу и дух, куёт свой плен, поскольку они начинают его обрамлять и формировать. Пленницей тела может оказаться душа. Так или иначе, но, как говорил А.Н. Северцов, психика становится фактором

эволюции, а сознание становится фактором живого движения истории. Несгибаемый дух сформировал железное тело слабосильного в детстве А.В. Суворова.

Живое движение, находя смысл, омысливает и осмысливает как окружение тела, так и его само, по сути, оживляет его, придаёт ему энергию и силу. Оно начинает производить впечатление чуда. Как говорил Спиноза: «То, на что способно человеческое тело, никто ещё не определил», между прочим, и до сих пор! Напомню, что Спиноза говорил о движениях мыслящего тела.

Таким образом, я пришёл к давней идее о целостном составе человека, состоящего из духа, души и тела. Как учили святые отцы, дух питался Богом, душа – духом, а тело – душой. Не уверен, что после счастливого грехопадения (видимо, замышленного Богом и подстроенного дьяволом) этот целостный состав распался. Он, действительно, время от времени распадается, потом восстанавливается. Отсюда постоянные стенания: *Не плоть, а дух растлился в наши дни...* (Ф. Тютчев). Можно сказать: и плоть, и дух растлились в наши дни. Не будем пессимистами. Человек, всё же, обладает некоторым запасом прочности, благодаря наличию у него «оздоровляющей, регенерирующей ткани сознания» (А.А. Ухтомский). К тому же без грехопадения не было бы ни римских пап, ни патриархов, ни муфтиев, ни других священнослужителей – главных борцов с грехами и радетелей за чистоту нравов. Ведь они сами имеют вполне мирское происхождение, и, подозреваю, не ангелы, ничто человеческое им не чуждо. Пастыри, как и их паства, не всегда различают, что крестить и креститься – это одно, а нести крест – другое (это сюжет И. Бродского). Впрочем, спасибо им за то, что они отрицают онтологичность зла и рассматривают его как отсутствие добра. Хотя это не умаляет сил, в том числе и великого Зла, которым «прославился» XX век. Да, и XXI начался 11 сентября. В ситуациях менее трагических тоже не всё так просто. С.Л. Рубинштейн, которого всю его сознательную жизнь волновали проблемы этики, под впечатлением произведений Ф.М. Достоевского и А.М. Горького писал о противоречивости человека (добро во зле, зло в добре, не просто рядом). Так что вопрос об онтологии зла остаётся спорным.

Душа, дух, тело – это не части, из которых складывается человек: он изначально един, он индивид, т.е. неделим. Человек – это целостная живая форма, а не сложение, не сумма внешнего тела и внутренних души, духа, психики, сознания и пр. Иное дело, что эта живая форма сложна, она представляет собой *форму форм*, способную к дифференциации и генерации новых форм. Представление о целом (сущем) как о форме форм снимает классическую дихотомию внешнего и внутреннего. Более того, оно ограничивает даже положение В. фон Гумбольдта, артикулированное ещё Аристотелем, о существовании внешних и внутренних форм и человека и языка, поскольку внешние и внутренние формы обратимы. Дело даже не в том, что внешние и внутренние формы обратимы, а в том, что они порождают друг друга. О. Мандельштам приводит выражение Данте: «Я выжал бы сок из моего представления, из моей концепции», и следующим образом его комментирует: «то есть форма ему представляется выжимкой, а не оболочкой. <...> Но выжать что бы то ни было можно только из влажной губки или тряпки. Как бы мы жгутом не закручивали концепцию, мы не выдавим из неё никакой формы, если она сама по себе уже не есть форма» [5, с. 120]. Аналогичное происходит и с живыми формами движения, образа и слова, которые следует рассматривать и как оболочку и как выжимку. Порождение (выжимание) форм – акт трудный, нередко болезненный: *зрительные формы прорезаются как зубы* (О. Мандельштам).

Тело, конечно, можно и нужно рассматривать как внешнюю форму, но оно же и внутренняя форма души и духа – их порождение. Равным образом, и душа может рассматриваться как внутренняя форма тела, порождённая живым движением другого,

щедрого духа, его дар. В то же время: «Вся душа есть внешность. Морщины и шрамы, наносимые ей, на внешнем нашем лице», - писал Г.Г. Шпет. Об обратимости внешних и внутренних форм говорят и метафоры смысла: паутина смысла, опутывающая человека, и кровеносная система смысла, пронизывающая его «внутреннее» (М. Вебер и Г.Г. Шпет).

Основанием для заключения о том, что тело является функциональным органом души служит и то, что она, по определению древних, обладает тремя атрибутами: познанием, чувством и волей. А воля – это и есть действие – действие живого тела. Бывают и ущербные души, например, лишённые чувства. Парадоксальна фигура Ставрогина – героя «Бесов» Ф. Достоевского: «Злобы в Николае Всеволодовиче было может больше <...>, но злоба эта была холодная, спокойная и, если можно так выразиться, – разумная, стало быть самая отвратительная и самая страшная, какая может быть». Меня не покидает ощущение, что Ставрогин есть прообраз В.И. Ленина, которого кто-то из его современников назвал «думающей гильотиной». (Это ещё раз к вопросу об онтологии зла.)

Пора перейти к образу и слову. Движения живого тела или живые движения тела мы воспринимаем как образ, как слово, как текст, которые не всегда легко понимать и интерпретировать. «Лицо – это слово», – говорил Э. Левинас.

Живое движение не только порождает образ, оно заряжает его энергией. Аристотель называл её эйдетической. Образ представляет собой не мёртвый отпечаток, отражение, след, а живой сгусток энергии, готовый, как сжатая пружина, развернуться в движение и действие. Разворачивающееся вовне действие, порождая образ, само становится его внутренней формой. Оно там созревает, растёт, как юнгианский автономный комплекс души, а созрев, приобретает тираническую силу и рвётся наружу, воплощается во внешнем действии, в исполнении, в творении. Действие нельзя рассматривать как реакцию, оно – акция, акт, поступок. В.В. Кандинский говорил: внешнее, не рождённое внутри, мёртво рождено. Таким образом, внешнее рождается внутри, а внутреннее рождается вовне. Это не просто знакомые нам бесстрастные акты интериоризации и экстериоризации, так как в обоих случаях мы имеем дело с рождением, т.е. с муками, с болью, но и с прибылью, выражающейся в совершенствовании внешнего и обогащении внутреннего. Достижение «внутренней целесообразности и внешнего совершенства» (это идеал А. Эйнштейна) слишком часто оказывается непосильной задачей.

Причина и природа трудностей состоит в том, что мы постоянно имеем дело с переплетением противоположно направленных актов композиции и декомпозиции (а не интериоризации и экстериоризации). Живое движение (исполнительное или перцептивное действие) своим побочным или прямым результатом имеет композицию образа ситуации и образа действий, которые в этой ситуации должны быть выполнены. Далее наступает декомпозиция сложившегося образа, результатом чего является композиция нового действия. Образ воплощается в действие. Последнее, совершаясь, не исчезает, а оставляет после себя новый образ. В психологии эти акты описываются как пробы и ошибки, как упражнения и т.п. На самом деле, как писал Н.А. Бернштейн, «упражнение – это повторение без повторения», а каждый раз построение новых образов и действий, их совершенствование, которое, как показывает практика трудовой деятельности, искусства, спорта не имеет границ.

Здесь мы встречаемся со своего рода игрой внешних и внутренних форм: действие оказывается внутренней формой образа, а образ – внутренней формой действия. Их взаимодействие, сотрудничество, взаимные преобразования мира бесконечны. (Образ обладает свойством открытости.) Они-то и подчиняют себе тело, освобождают от штампов, делают его своим инструментом. Тело, по словам моего учителя А.В. Запорожца (в молодости – актёра), начинает звучать как Эолова арфа.

Наконец, обратимся к слову, которое было Вначале! Не стану вдаваться в философские и психологические споры о том, что было раньше – слово или дело. Древние были мудрее: Логос, как и русский Глагол, – это и слово и дело. Слово – не сигнал и даже не сигнал сигналов – 2-ая сигнальная система, которую А.Р. Лурия называл «бывшей речью». Слово, как говорил Г.Г. Шпет, – главный принцип познания, оно же и главный принцип человеческого действия и деятельности. Настоящее, не пустое, не полое слово – это действие, исполнение, перформатив. «Голос – это звуковая конечность», – говорил С.М. Эйзенштейн. Слово и голос идентифицировали и с личностью. В самом деле, Голос Юрия Левитана, звучавший на радио во время Отечественной войны, был великой личностью. Недаром Гитлер и Геббельс после захвата Москвы планировали сначала убить Левитана, а потом Сталина. Остаётся только догадываться, почему завистливый диктатор не убил Левитана сам.

Слово лечит, оно же и калечит, оно орудие нападения и защиты. Слово собирает и концентрирует в себе энергию действия и образа.

*Солнце останавливают словом,
Словом разрушают города.*

Н. Гумилев

В настоящем контексте меня интересует творящая, формообразующая сила слова, его роль в формировании образов, действий, души и тела. О. Мандельштам говорил, что язык творит образы, как утварь, на потребу человека.

Откуда берётся такая власть Слова над человеком, его деятельностью, поведением, познанием, заблуждением, сознанием, личностью? Обращусь к лежащему на поверхности и самому очевидному, которое, как правило, не замечается наукой, даже самыми проникательными её представителями, например, Л.С. Выготским, Ж. Пиаже. Любящая мать дарит своему чаду любовь, заботу, душу и Слово. Она непрерывно комментирует все его жизненные и поведенческие акты, как и свои собственные действия, связанные с заботой. Её слова, вместе с их смыслами и значениями проникают в движения, жесты, позднее в образы и действия, наконец, в душу младенца. Слово постепенно и вначале незаметно для окружающих становится их внутренней формой. Вдруг обнаруживается, что ребёнок задолго до того, как он начнёт говорить, многое понимает. Гуление и лепет становятся более дифференцированными и осмысленными, в них начинают слышаться фонемы родного языка.

*Он опыт из лепета лепит
И лепет из опыта пьёт.*

О. Мандельштам

Поэт знает, что: *Прежде губ является шепот.*

Когда же в 1,5–2 года у ребёнка наступает монтессорианская эксплозия, речевой взрыв, то это хорошо подготовленный экспромт. Слово выходит на поверхность не пустым и полым, а нагруженным значениями и смыслами, внутренними формами движений, жестов, образов, эмоций. Работают принципы порождения, дифференциации, обратимости внешних и внутренних форм.

Слово проникает не только в образы окружения, но и в образы тела. Само тело становится говорящим, притом оно говорит не только себе, но и другому. Нередко другому раньше и больше, чем себе. Выражу это не слишком благозвучным термином робототехники: слово *очувствует* тело. Однако одного чувства мало, нужно понимание. Об этом знал О. Мандельштам: *Мы только с голоса поймем, что там царалось, боролось.*

Итак, мы приходим к тому, что каждая живая форма – слово, действие, образ, чувство и т.д. – содержит в себе и внешнее и внутреннее. Она гетерогенна и синкретична. Слово,

выступающее как внешняя форма, содержит в качестве своих внутренних форм образ, действие, чувство. То же и с образом, и с действием, выступающими как внешние формы. При этом, разумеется, внешние и внутренние формы не тождественны. Их следует рассматривать и как языки, которые далеко не всегда переводимы друг на друга. Отсюда недосказанность, желание (мечта) *сказаться душой без слова*. Между ними существует разность потенциалов, которая служит важным источником совершенствования и развития живых форм.

Обращу внимание на то, что описанная игра внешних и внутренних форм в слове ли, в действии ли, или в образе, как в миниатюре, повторяет игру внешних и внутренних форм, происходящую между духом, душой и телом в целостном составе человека. Там та же борьба: преодоление связано с претерпеванием, овладение вызывает удовлетворение, а свободное владение собой, своим телом, душой и духом – чувство гармонии, радость, восторг. Человек растворяется в «явлении свободы», приостанавливает свою эмпирическую субъективность. Декарт верно говорил, что действие и страсть – одно. Свободное действие вызывает *выпуклую радость узнавания* не только мира, но и самого себя. (*Мечты, мечты, где ваша сладость!*)

Приведу ещё один довод в пользу правдоподобности моего рассказа о жизни внешних и внутренних форм. Артур Шопенгауэр говорил, что «честь – это внешняя совесть, а совесть – это внутренняя честь». Человек без чести и совести лишён внешней и внутренней формы. Боюсь, правда, что этот довод не слишком убедителен, так как честь и совесть всё реже встречаются и воспринимаются как странные реликты. Ещё Ю.М. Лотману пришлось в «Комментариях к Евгению Онегину» объяснять, что такое честь. В психологии эти понятия и вовсе не встречаются.

Таким образом, я прихожу к простому, чтобы не сказать банальному выводу. Слово, образ, действие одушевляют и одухотворяют тело, а *одухотворенное тело* – это и есть *овнешнённая душа*. Об этом знают философы. М.К. Мамардашвили говорил о «внементальной реальности души». В.П. Визгин, обсуждая близость феноменологических воззрений М. Мерло-Понти и М.К. Мамардашвили, приводит центральную интуицию первого: «Одушевленное живое тело органическим образом сочетает природу как бытие-в-себе в физическом пространстве с культурой как бытием-для-себя в пространстве истории» [3, с. 22]. Признав реальность души и духа, дальше мы, конечно, можем рассуждать о том, что дух духу рознь, что есть духовная вселенная и духовная преисподняя, что есть мёртвая жизнь и живая смерть, что есть живая и щедрая душа, а есть – никакая. Всё это жизнь во всей её перекаточной полноте, которая, по словам И. Бродского, не является *объектом наших умозаключений*.

После прозвучавшего выше панегирика телу, пора спуститься на землю и поговорить о слабостях, на которые обратил внимание М.М. Бахтин: «Моя наружность, т.е. все без исключения экспрессивные моменты моего тела, переживаются мною изнутри; лишь в виде разрозненных обрывков, фрагментов, болтающихся на струне внутреннего самоощущения <...> Моя мысль помещает мое тело сплошь во внешний мир как предмет среди других предметов, но не мое действительное видение, оно не может прийти на помощь мышлению, дав ему адекватный образ» [1, с. 27]. Оказывается, что тело, творящее с помощью своих органов образ мира, бессильно создать образ самого себя: сапожник оказывается без сапог. В этом есть свой резон: «...я как бы исхожу из себя в своих переживаниях и направлен вперед себя, на мир, на объект» [1, с. 36]. Далее Бахтин продолжает: «В этом смысле можно говорить об абсолютной эстетической нужде человека в другом, в видящей, помнящей, собирающей и объединяющей активности другого, которая одна может создать его внешне законченную личность; этой личности не будет, если другой ее не создаст: эстетическая

память продуктивна, она впервые рождает *внешнего* человека в новом плане бытия» [1, с. 34]. Сделаю оговорку: эстетическую деятельность художника не следует смешивать с деятельностью педагога, претендующего на формирование личности своих питомцев.

Абсолютная нужда в другом, о которой говорит Бахтин, конечно, не только эстетическая, но и жизненная. Здесь мы выходим на, казалось бы, знакомую тему о пространстве *Между Я – Ты*, развивавшуюся М. Бубером и М.М. Бахтиным и близких к ним размышлений А.А. Ухтомского о заслуженном собеседнике. Практика психотерапии привнесла в эту тему новые оттенки. Их любезно согласился осветить профессиональный психотерапевт А.В. Зинченко. Привожу его разъяснение, в котором отражен и его собственный опыт: «Итальянский психоаналитик Антонио Ферро [7] описывает терапевтическую реальность в терминах биперсонального, межличностного поля. Этот термин акцентирует полноправное взаимодействие и равенство аналитика и пациента, и подразумевает, что в процессе анализа два человека неразрывно связаны и взаимодополнительны. Ферро цитирует М. и В. Барангеров [8], французских психоаналитиков, работающих в Аргентине, как одних из первых, обративших внимание на это пространство и назвавших его «двутелесной психологией». Эта двутелесность перекликается с Мерло Понти, писавшем о том, что знание другого это феномен пары, «Я воспринимаю тело другого и ощущаю в нем те же интенции, которые побуждают и мое тело, и другой прodelывает тоже самое со мной».

Признание подобного взаимодействия и равноправности подразумевает достаточно серьезные выводы по отношению к концептуализации и технике аналитической работы. Например, бессознательная фантазия, активизируемая во время сеанса не принадлежит исключительно пациенту. Напротив, она является фантазией пары, порожденной двумя участниками поля. Авторы проводят следующий пример, знакомый по опыту многим практикующим клиницистам. Приверженность теориям может быть понята как желание обрести покой и относительную безопасность перед лицом непонятности и растерянности, вызванных отношениями с пациентом. Пациенты чутко реагируют на такие теоретические размышления и интерпретации аналитиков своими снами или фантазиями о, например, полученных в подарок старых пластинках, или бюрократах, которые не в состоянии обновить их истекшие водительские права. Естественно, пластинки в данном случае репрезентируют знакомые и до определенной степени ригидные представления аналитика о пациенте и себе самом; они указывают на его неготовность отказаться от теорий в пользу встречи с тем неизвестным и неопределенным, куда зовет его пациент. Задачей аналитика, в данном случае, является не столько интерпретация сновидения, сколько готовность к изменению стиля работы с данным пациентом, то есть, в каком-то смысле готовность к собственному изменению. В этом контексте становится понятно, что пациент является лучшим консультантом и коллегой аналитика. В определенном смысле, в отношениях с каждым новым пациентом, аналитик переживает свою собственную микропатологию специфичную для участников данной пары. Успешный анализ в таком случае имеет целебное действие не только на пациента, но и на аналитика, ту его часть, о которой он зачастую и не подозревал» [А.В. Зинченко].

Изложенное А.В. Зинченко больше, чем бахтинское диалогическое проникновение в мир личности. Это совместное думание и переживание, которое продолжает длиться после психотерапевтического сеанса и после сессии таких встреч. Это больше, чем «двутелесная психология». С таким же основанием можно говорить о «двудушевной психологии» (не путать с «двоедушной»). В «феномене пары», видимо, главным является широко понятие прикосновение или соприкосновение и обмен не значениями, а смысловыми значимостями. Если угодно, соприкосновение двух тайн, которые каждый участник пары волен по-своему

интерпретировать. Такое соприкосновение может быть телесным, визуальным, вербальным, молчащим или молчаливым. Важен эффект присутствия, участного понимания/ непонимания, побуждающего к совместному думанию и пробуждающего мысль.

Какова «мораль» сказанного? Её должен извлечь читатель. Например, в сфере психологического консультирования есть логотерапия, поведенческая, гештальт, арт, клиенто-центрированная и телесно-ориентированная терапия. Аналогичным образом в педагогике и в психологии есть вербализм и наглядность в обучении, есть школа действия, есть развивающее и личностно-ориентированное обучение, есть многие другие формы. Своего рода идеал школы выразила М.И. Цветаева: *школа союза души и глагола*. По сути, это тавтология, поскольку в глаголе, как и в логосе, присутствуют главные силы души: слово, действие, образ и чувство (ср.: *глаголом жгет сердца людей*).

Я лишь старался показать, что ни в теории, ни на практике нет и не может быть чистых культур (форм). Поэтому телесно-ориентированная терапия не может не быть душевно и личностно-ориентированной терапией. На мой взгляд, учёт сказанного поможет обогатить любую, как угодно ориентированную практику консультирования или обучения. Разумеется, все они имеют право на существование. Просто нужно учитывать старую максиму К. Прутков: «Специалист подобен флюсу, полнота его одностороння» разумеется, это относится и ко мне тоже.

Литература:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство. 1979.
2. Боаделла Д. Моторные поля как основные паттерны потоков движения. Энергия и характер // Журнал биосинтеза, 2002, вып. 2, с. 3-21.
3. Визгин В.П. Мы все его так любили: вспоминая Мераба Мамардашвили // Мераб Константинович Мамардашвили. М.: РОССПЭН, 2009.
4. Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. М.: Академический проект, 2009.
5. Мандельштам О. Слова и культура. М.: Советский писатель, 1987.
6. Мерфи М. Будущее тела. Исследование дальнейшей эволюции человека. М.: РИПОЛ классик: Открытый мир, 2009.
7. Bezoari M., Ferro A. A Journey through the Bipersonal Field of Analysis. From Roleplaying to Transformations in the Couple // Rivista Psicoanal., 1991, 37, 4-46.
8. Baranger M., Baranger W., Mom J. Process and Non-Process in Analytic Work // *Int. J. Psycho-Anal.*, 1983, 64 (1), 1-15.

Поступила в редакцию 19.10.2009 г.

Сведения об авторе

В.П. Зинченко – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей и экспериментальной психологии Государственного университета «Высшая школа экономики», профессор кафедры психологии Международного университета природы, общества и человека «Дубна», заведующий кафедрой эргономики МИРЭА, почетный профессор Самарского государственного педагогического университета.

E-mail: zinchrae@yandex.ru